

lebhaften Sprechen (S. 201, 221—223). Der Wortschatz der Mundart (203—220) wird nach Begriffsgruppen geordnet dargestellt. Den russischen Lehnwörtern ist im allgemeinen auch die russische Entsprechung hinzugefügt worden. Auf der Seite 203 ist aber im einleitenden Teil überflüssigerweise auch vermerkt worden, welche von diesen baltischer, germanischer, slawischer usw. Herkunft sind. Solche alten Entlehnungen gab es schon in der ostseefinnischen Grundsprache, aber sie bieten vom Standpunkt der Tichviner Mundart aus nichts Neues oder Interessantes. Im Werk werden auch Ortsnamen des Tichviner Bezirks und Personennamen der Kare-

lier (S. 223—235) angeführt, die größtenteils russischen Ursprungs sind. Es gibt jedoch auch Toponyme karelischen Ursprungs oder zusammengesetzte Toponyme, die aus karelischen und russischen Bestandteilen bestehen.

Am Ende des Werkes gibt es (S. 236—273) 25 längere Mundarttexte mit russischen Übersetzungen, die die Mundart allseitig kennzeichnen.

Der Finnougristik würde es zum großen Nutzen gereichen, falls es auch von den anderen karelischen Mundarten derartige Überblicke, wie es derjenige von V. Rjagojev ist, geben würde.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.4.13>

Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов, Саранск 1977. 100 стр.

Авторами статей рецензируемого сборника являются сотрудники кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Сборник открывает статья М. В. Мосина «Сравнительно-исторический анализ зоологической терминологии мордовских языков». Актуальность проблемы автор обосновывает тем, что исследование истории названной фауны «дает весьма ценные сведения для изучения материальной и духовной жизни народа в тот или иной период общественного развития», кроме того, подобный анализ интересен с лингвистической точки зрения: он позволяет установить степень родства между языками определенной языковой семьи (стр. 3). Анализируется свыше 50 зоологических терминов. На основе сопоставления мордовского диалектного материала и данных других финно-угорских языков М. В. Мосин устанавливает две главные структурные группы вышеназванных терминов: простые (непроизводные) и производные основы. Среди непроизводных основ он выявляет этимологически производные основы, в составе которых есть морфологические единицы, потерявшие в современном языке семантическую нагрузку. Иссле-

довав этимологическую сферу действия целого ряда суффиксов, автор констатирует, что границы их распространения некогда были гораздо шире. Так, суффиксы *-pa*, *-p'a*, *-p*, *-la*, *-v*, *-й*, *-y*, до настоящего времени выделявшиеся мордвооведами только в именах прилагательных, представлены в отыменных терминах, которые обозначают животных: *нумоло* ~ *нумол* 'заяц', *мияв* 'бобр', *мац'ей* ~ *мац'и* 'гусь' и т. п.

П. С. Кудяев обратился к новому в мордовском языкознании, но до сих пор не решенному вопросу о дифференциации послеложных сочетаний, определительных словосочетаний и сложных слов («К вопросу категориальной дифференциации послеложных сочетаний, словосочетаний и сложных слов»). На наш взгляд, положения автора весьма убедительны, если они не решают поставленную проблему окончательно, то представляют собой серьезный шаг в этом направлении. Помимо не раз приводившихся в лингвистической литературе критериев разграничения словосочетаний и сложных слов, автор выдвигает следующие признаки рассматриваемых языковых единиц: 1) В послеложных сочетаниях имя существительное в исход-

ной форме выступает в качестве главного (стержневого) слова, а второй компонент (послелог) — в качестве средства выражения грамматических значений. В свободных определительных словосочетаниях и в сложных словах, наоборот, в качестве главного компонента выступает второе слово. Первый компонент в определительных словосочетаниях является определением, а в сложных словах выступает на уровне словообразовательной морфемы со значением признака. 2) Совокупность компонентов послеложной конструкции, в отличие от сложного слова, не имеет номинатива, следовательно, не может выполнять функции номинации предметов и явлений. 3) При разграничении сложных слов и сочетаний слов определительного типа необходимо учитывать не только внешние формальные признаки, тип словообразовательной модели, но и содержание выражаемого понятия — внутреннюю форму, закрепившуюся за словосочетанием в процессе общественно-трудовой практики носителей языка. На основе анализа фактического материала автор приходит к выводу, что слияние двух имен существительных с нулевыми окончаниями для номинации третьего существительного (очевидно, следовало сказать понятия) — это не синтаксический прием выражения определительных отношений, как считал М. Н. Коляденков (Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков II. Синтаксис, Саранск 1964, стр. 49), а способ образования новых слов путем сложения неформальных корней (основ). Представляется необходимым остановиться на термине «суффиксоид», употребленном в данной статье. Термины «аффиксоид», «суффиксоид» и «префиксоид» являются сравнительно новыми в языковедении и еще не имеют окончательно установившегося объема значений (см., напр., Н. М. Шанский, Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка. — Исследования по современному русскому языку, Москва 1970, стр. 257). Однако ясно, что, во-первых, аффиксоидом следует считать морфему с очень абстрактной семантикой, обладающую регулярностью воспроизведения в однотипных словах; во-вторых, в зависимости от того, какую роль — суффикс или приставки — выполняют аффиксоиды, их можно разделить на суффиксоиды и

префиксоиды (Там же, стр. 258). Если с этих позиций подойти к абсолютной форме в составе мордовских сложных слов, то окажется, что среди них нет регулярных языковых единиц. В случае игнорирования этого важнейшего обстоятельства первые компоненты сложений, о которых идет речь, можно назвать только префиксоидами, а не суффиксоидами. Все же представляется более правильным считать подобные сложные слова состоящими из двух корней или основ.

Две статьи сборника («Местоимения и их формы в диалектах мокшанского языка» С. И. Липатова и «Местоимение в говорах мокша-мордовского языка» К. И. Ананьиной) посвящены местоимениям в диалектах мокшанского языка. С. И. Липатов рассматривает местоименные формы в их современном состоянии в мокшанских диалектах преимущественно на территории Мордовской АССР. К. И. Ананьиной исследуют диалектные явления в сфере местоимения в верхне-алатырских говорах, т. е. говорах мокшанских сел и деревень, расположенных по верхнему течению реки Алатырь (Лукояновский район Горьковской области). Обнаружив в говорах в функциональном и семантическом отношении те же группы местоимений, что и в литературном языке, авторы проанализировали также диалектные особенности в области грамматических свойств местоимений. Общей тенденцией развития местоимения во всех диалектах мокшанского языка является параллельное употребление синтетических падежных форм и послеложных конструкций с тем же значением или даже вытеснение первых последними. Наблюдаются случаи согласования в числе местоимения-определения с определяемым словом. Многие языковые особенности верхнеалатырских говоров К. И. Ананьиной объясняет их изолированным развитием и длительными контактами с эрзянскими говорами.

В статье В. И. Учкиной «Диалектные формы инфинитива» анализируется происхождение диалектных форм инфинитива. Автор дает критический обзор литературы вопроса, подтверждает известную точку зрения о том, что инфинитив в мордовских языках представляет собой застывшие падежные формы имени действия. В зависимости от формы различаются номинативные, аблативные, иллативные и

транслативные инфинитивы. Диалектные факты дают основание В. И. Учкниной предположить, что инфинитив в мордовских языках первоначально зародился в сфере именительного падежа, а формы косвенных падежей имеют более позднее происхождение.

Для того чтобы вполне оценить значение статьи Д. В. Цыганкина «Морфонологические особенности диалектного словоизменения», необходимо учесть, что морфонология — совершенно новая область мордовского языкознания, начало которой положил именно этот автор в ряде своих работ. Принципы морфонологии применены Д. В. Цыганкиным для анализа диалектного именного словоизменения, где обнаружены следующие виды морфонологических явлений: 1) чередование основ, 2) чередование согласных фонем на границе основы и суффикса, 3) чередование в морфемах падежей, 4) интерфиксация. На наш взгляд, вторая группа чередований (*кардаз — кардай'сэ* 'двор — во дворе') представляет собой особый вид чередования основ. Основная масса чередований автором характеризуется как морфологически несамостоятельные чередования, лишь сопровождающие аффиксы, которые выражают грамматические значения. Однако отмечается наличие группы существительных, которая осуществляет числовую дифференциацию чередованием основ. Чередование звуков в этой группе давно отмечено в мордовском языкознании, но

квалификация его как грамматического средства выражения числа существительных — заслуга Д. В. Цыганкина. Следует указать, что определение морфемы, данное автором статьи («под морфемой мы понимаем грамматический аффикс, выделенный по функциональному признаку вне зависимости от его фонемного состава», стр. 61), сужает общепринятое содержание этого термина, выводя за его пределы корневые морфемы.

Н. С. Баюшкин в статье «Ограничительные суффиксы прилагательных в мордовских языках» подробно и обстоятельно проанализировал семантические и функциональные особенности суффиксов *-жа*, *-за*, *-ла*, *-на*.

Сборник завершает «Библиография по ономастике», составленная Д. В. Цыганкиным и Р. А. Алешкиной. Она включает свыше 300 источников; представлены в основном работы, в которых в той или иной степени находят отражение топонимы, антропонимы и микропонимы мордовского происхождения.

В итоге можно сказать, что сборник «Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов» представляет собой серьезное исследование в области грамматики мордовских языков. Особенно ценно, что многие статьи ориентированы на более глубокое изучение ранее отмеченных языковых явлений.

М. Д. ИМЛИКИНА (Саранск)

Л. В а б а, Латышские заимствования в эстонском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1978.

Am 28. April 1978 verteidigte Lembit Vaba an der Staatsuniversität Tartu seine zur Erlangung des wissenschaftlichen Grades eines Philologiekandidaten eingereichte Dissertationsarbeit «Lettische Lehnwörter im Estnischen». Offizielle Opponenten waren Prof. Arnold Kask (Tartu) und Philologiekandidat Mart Mäger (Tallinn).

Vom Standpunkt der Erforschung des Estnischen, aber auch von dem der allgemeinen Sprachwissenschaft aus ist das

Thema der Arbeit sehr aktuell, da die Lehnbeziehungen zwischen dem estnischen und lettischen Wortschatz bisher vom Standpunkt des Estnischen aus nicht genügend erforscht worden sind. Die eingehendere Erforschung der Herkunft des estnischen Wortguts und die Zusammenstellung eines etymologischen Wörterbuches des Estnischen ist aber eine der wesentlichsten Aufgaben des Instituts für Sprache und Literatur — der zentralen sprachwis-